

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
----------------	---

Глава I

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И ИХ ЗАПИСКИ.....	15
-----------------------------------	----

§ 1. Путешественники: кто они?	15
--------------------------------------	----

§ 2. К вопросу о достоверности записок путешественников	26
--	----

Глава II

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПРАВО БУХАРСКОГО ХАНСТВА (ЭМИРАТА) В ЗАПИСКАХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ.....	35
---	----

§ 1. Монархи: эволюция правового статуса	35
--	----

§ 2. Центральный аппарат управления	40
---	----

§ 3. Административно-территориальное устройство, органы управления и самоуправления	46
--	----

§ 4. Регулирование экономических отношений	55
--	----

§ 5. Преступления и наказания. Суд и процесс	68
--	----

§ 6. Семейно-правовая сфера	81
-----------------------------------	----

§ 7. Правовой статус национальных и религиозных меньшинств.....	84
--	----

Глава III

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПРАВО ХИВИНСКОГО ХАНСТВА В ЗАПИСКАХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ	90
--	----

§ 1. Монархи: особенности правового статуса.....	90
--	----

§ 2. Центральное и региональное управление	101
--	-----

§ 3. Правовой статус различных групп населения	108
§ 4. Преступления и наказания. Суд и процесс	127
§ 5. Правовое регулирование экономических отношений	133
§ 6. Семейно-правовые отношения.....	139

Глава IV

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПРАВО КОКАНДСКОГО ХАНСТВА В ЗАПИСКАХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ	141
§ 1. Центральная власть и региональное управление	143
§ 2. Торговля, налоги и сборы	147
§ 3. Преступления и наказания. Суд и процесс	151
§ 4. Особенности положения кочевых подданных.....	154

Глава V

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПРАВО «МАЛЫХ ВЛАДЕНИЙ» СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЗАПИСКАХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ.....	158
§ 1. Ташкентское «владение» XVIII — начала XIX в.	158
§ 2. Дарваз и Каратегин как бухарские протектораты и автономии.....	168
§ 3. Западный Памир в конце XIX — начале XX в.	177

Глава VI

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПРАВО ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА И ИЛИЙСКОГО КРАЯ ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ.....	194
§ 1. Государство ходжей в Восточном Туркестане	195
§ 2. Йиэтишар (Кашгария)	210
§ 3. Илийский край (Кульджа) во второй половине XVIII — середине XIX в.	218

Глава VII

**ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ
В ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРАВЕ
СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ
ПОД ПРОТЕКТОРАТОМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ..... 231**

§ 1. Изменения в государственности и праве Бухары
под российским протекторатом в оценках
российских путешественников 232

§ 2. Изменения в государственности и праве Бухары
под российским протекторатом в оценках
западных путешественников..... 251

§ 3. Изменения в государственности и праве Хивы
под российским протекторатом в оценках
путешественников 265

§ 4. Провал российской правовой политики
в протекторатах? Книга Д.Н. Логофета
«Страна бесправия» и причины ее написания 269

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА..... 277

СОКРАЩЕНИЯ 312

ПРИЛОЖЕНИЯ 313

I. Хронология путешествий в Центральную Азию 313

II. Кто есть кто (биобиблиографический словарь) 321

ВВЕДЕНИЕ

В рамках всеобщей истории государства и права далеко не все страны изучены равномерно, и к числу наиболее слабо изученных относятся страны и народы Центральной Азии, несмотря на богатую историю и культуру этого региона, а также давние традиции изучения различных аспектов ее исторического развития.

Нельзя сказать, что государственность и право Центральной Азии совершенно не изучалось: исследования, посвященные отдельным аспектам политико-правового развития этого региона, начались в XIX в. и успешно продолжают в наши дни. Так, уже во второй половине XIX — начале XX в. чиновники и ученые в Русском Туркестане обратились к изучению государственного управления и права в новых владениях Российской империи и соседних стран. Наиболее подробно изученными можно считать вопросы, связанные с земельной собственностью и землевладением [Абдураимов, 1966; 1970; Абдурасулов, 2008; Брегель, 1972; Граменицкий, 1886; Джурабаев, 2012; 2016; Юлдашев, 1953], мусульманским судом [Каримов, 2008; Лыкошин, 1899], вакфами [Цветков, 1910; Шайхова, 1986; 1988], семейно-правовыми и наследственными отношениями [Абашин, 2003; Каримов, 2013; Кисляков, 1973; Лунев, 2005а; 2005б; Наливкин, Наливкина, 1886], преступлениями и наказаниями [Лунев, 2009; Саидов, 2006б].

Однако в большинстве случаев исследователи опирались и продолжают опираться на «местные» источники сведений о центрально-азиатской государственности и права — правовые акты, другие официальные документы, исторические сочинения, свидетельства современников. Следствием этого является формирование представления о государственности и праве центрально-азиатского региона как исключительно базировавшихся на мусульманских политико-правовых принципах. Именно такой вывод делают исследователи на основании анализируемых ими источников [Лунев, 2004; Саидов, 2006а; Sartori, 2016]¹.

---

¹ Отдельные авторы, впрочем, предпринимали попытки проследить и применение обычного права в регулировании различных сфер отношений в Центральной

Между тем, несмотря на весьма прочные многовековые традиции ислама в Центральной Азии, нельзя столь категорично утверждать, что политические и правовые отношения в регионе регулировались исключительно с помощью мусульманских принципов и норм. Местное население, приняв ислам, сохранило некоторые прежние правовые традиции, а в XIII—XVI вв. Центральная Азия неоднократно подвергалась нашествию тюрко-монгольских племен, которые в конечном счете под именем узбеков установили власть над большей частью региона. Они привнесли в местные политические и правовые отношения большое число новых принципов и норм — и обычаи евразийских кочевников, и элементы законодательства Монгольской империи, созданной Чингис-ханом и его преемниками. Естественно, это обстоятельство не получило широкого освещения в источниках местного происхождения: официальные документы составлялись мусульманскими правоведами и богословами, а авторы центрально-азиатских мемуаров и исторических сочинений в большинстве своем были придворными сановниками и потому старались всячески подчеркнуть приверженность монархов и правящей элиты к мусульманским канонам.

Получить более объективную картину позволяют сведения «независимых свидетелей», а таковыми являлись иностранные путешественники, лично побывавшие в государствах Центральной Азии и отразившие свои наблюдения в записках. Особо подчеркнем, что речь идет о представителях немусульманских стран, у которых не было причин идеализировать роль и значение ислама и мусульманского права в Центрально-Азиатском регионе. Таким образом, наибольший интерес для получения сведений о государственности и праве Центральной Азии представляют записки российских и западных путешественников. Первые путешествия европейцев в этот регион начались в далеких XIII—XIV вв.: это поездки Иоанна де Плано Карпини, Вильгельма де Рубрука, Марко Поло, Джованни Мариньоли, Одорико де Порденоне и др. Второй этап открытия Центральной Азии для России

Азии, однако в большинстве случаев они рассматривали этот вопрос не с правовой, а преимущественно с этнографической точки зрения — что было вообще характерно для изучения обычаев и традиций различных народов в советский период [см., например: Гаврилов, 1929; Кисляков, 1969]. Соответственно, их основным источником были не какие-либо документы, а результаты полевых исследований.

и Европы наступил в XVI—XVII вв., когда московские и английские дипломаты и торговцы неоднократно бывали в этом регионе.

Однако для нас наибольший интерес представляет период XVIII — начала XX в., когда Россия и ведущие европейские державы начинают активную борьбу за контроль над различными азиатскими регионами. Наиболее длительным и жестким противостоянием была так называемая Большая игра — соперничество Российской и Британской империй именно за Центральную Азию (1856—1907). Политические события обусловили и активизацию изучения Центрально-Азиатского региона, в результате чего поездки российских и западных (английских, французских, немецких, американских и даже скандинавских) путешественников были уже не единичными и эпизодическими, как в предыдущие века, а приобрели поистине массовый характер, что стало неотъемлемой частью политической и дипломатической борьбы за контроль над регионом ведущих европейских держав [Постников, 2007].

Соответственно, многие из путешественников оставили записки по итогам своих поездок, которые и представляют большой интерес для исследователей. Эти документы уже давно используются специалистами — правда, в большей степени как источник по политической или экономической истории разных стран и народов Центральной Азии, ее исторической географии, этнографии и т.д.

Лишь немногие исследователи привлекают записки отдельных путешественников именно как источник для изучения политических и правовых отношений в Центральной Азии, используя их для получения дополнительных сведений по некоторым аспектам политико-правового развития стран и народов региона в рассматриваемый период [Абдурасулов, 2015; Джурабаев, 2013; 2014; Колесников, Харатишвили, 2011; Михалева, 1991; Наврузов, 1990; 1991a; 1991b; 1992; 1997; Салиев, 2013; Шукурова, 1998]. Попыток систематизировать сведения российских и западных путешественников и сформировать на их основе комплексное представление о государственности и праве, насколько нам известно, до сих пор в науке не предпринималось. И это представляется тем более странным, что записки путешественников неоднократно публиковались и подробно изучались как источник сведений о государственности и праве соседнего региона — Казахстана. Более того, в течение долгого времени они являлись едва ли не основным источником знаний о политическом и правовом раз-

витии Казахстана в имперский период и даже сведений о казахском обычном праве²!

Соответственно, и записки путешественников по Центральной Азии являются важнейшим и ценнейшим источником сведений о политико-правовом развитии этого региона в XVIII — начале XX в. по трем причинам. Актуальность их использования повышается также за счет того, что в последние годы вводятся в оборот новые архивные источники, которые в свое время не были известны исследователям полностью или частично³. Возможность опереться на них значительно расширяет источниковую базу исследования.

Во-первых, как уже отмечалось, в отличие от своих центральноазиатских современников, российские и европейские авторы не имели причин идеализировать ситуацию с применением мусульманского права, поэтому в их записках нашло отражение применение как мусульманских политических и правовых институтов, так и обычно-правовых, и элементов прежней «чингизидской» (т.е. монгольской имперской⁴) государственности и права. Кроме того, посещая разные регионы, путешественники имели возможность наблюдать определенные различия в системе государственного управления и правового регулирования у разных народов, находившихся в подданстве даже одного и того же государства.

---

² На записки путешественников опирались виднейшие исследователи традиционной казахской государственности и права — С.Л. Фукс, С.З. Зиманов, Т.И. Султанов. Эти записки также публиковались в сборниках материалов по казахскому обычному праву и в середине XX, и в начале XXI в.

³ Яркий пример тому — записки атамана Сибирского казачьего войска Григория Волошанина, который фактически первым из русских подданных побывал в Кульдже вскоре после ее присоединения к Китаю в 1771 г. (до него иностранные путешественники бывали еще в независимом Джунгарском ханстве — например, русский дипломат И.С. Унковский и шведский пленный офицер И.Г. Ренат). В конце XIX в. российским ученым была известна только карта его маршрута, и географ Н.М. Ядринцев сетовал, что не имеется текстового описания в дополнение к этой карте [Ядринцев, 1883, с. 315]. Такое дополнение в виде журнала Г. Волошанина было обнаружено в фондах АВПРИ и опубликовано лишь в начале XXI в. — равно как и ряд других записок путешественников, побывавших в Кульдже в интересующий нас период.

⁴ Попытка дать характеристику источников, основных принципов и эволюции монгольского имперского права была предпринята нами в специальном исследовании [Почакаев, 20166].

Во-вторых, путешественники не ставили целью изучение норм писаного права, а описывали те политические и правовые институты или действия, очевидцами (а нередко и непосредственными участниками) которых являлись. Соответственно, их записки позволяют сформировать представление не об идеализированном государственном устройстве или правовой системе той или иной центральноазиатской страны (что неизбежно происходит при работе исключительно с формальными юридическими источниками), а о политико-правовых реалиях, т.е. именно тех политических и правовых принципах и нормах, которые были актуальны для рассматриваемого периода и применялись на практике. Достаточно широкий хронологический охват (XVIII — начало XX в.) позволяет также проследить на основе анализа записок путешественников эволюцию отдельных политических и правовых институтов на разных этапах истории центральноазиатских государств с учетом различных внутренних и внешних факторов, в том числе и известных нам на основе других источников.

Наконец, в-третьих, нельзя забывать о том, что российские и европейские (а также отдельные американские) путешественники в большинстве своем были представителями западной культуры⁵ и далеко не все из них имели необходимую востоковедную подготовку. С одной стороны, это обстоятельство, казалось бы, говорит не в пользу их записок как ценного источника, поскольку незнание специфики центральноазиатской (и вообще восточной традиционной) государственности и права, несомненно, приводило к ошибкам в описании тех или иных государственных и правовых институтов. Однако, с другой стороны, именно оно делает записки путешественников доступным и понятным источником для исследователей традиционной центральноазиатской государственности и права, так как эти авторы описывают свои наблюдения в данной сфере с помощью привычных им (а следовательно — и нам) категорий, терминов и понятий. Некоторые из них даже предпринимают попытки систематизации своих сведений по сферам и отраслям политических и правовых отноше-

---

⁵ Редкими исключениями являлись те путешественники, которые, будучи подданными и представителями Российской империи или западных держав, сами имели восточное происхождение. К таковым можно отнести, в частности, российских дипломатов и разведчиков М. Бекчурина, А. Субханкулова, М.-Ш. Аитова, Ч.Ч. Валиханова и нескольких других, а также британских разведчиков Мир Изеттулу и Мохана Лала.

ний, чего, конечно же, не делали сами представители центральноазиатских обществ в силу особенностей своего политического и правового сознания. Поэтому, чтобы не пасть жертвой наиболее явных и серьезных заблуждений путешественников, целесообразно сверять их сведения с результатами вышеупомянутых исследований востоковедов, изучавших государственность и право Центральной Азии на основе «местных» источников.

Таким образом, настоящее исследование имеет междисциплинарный характер, сочетая в себе методы и результаты ранее проведенных исследований в рамках целого ряда наук и научных дисциплин.

Это исследование посвящено истории государства и права, поэтому в качестве основных методов используются историко-правовой, формально-юридический и сравнительно-правовой подходы.

Конечно же, оно в первую очередь является исследованием по истории государства и права, и именно это обусловило использование в качестве основных методов исследования историко-правового, формально-юридического, сравнительно-правового подходов. Структура книги также выбрана, исходя из историко-правового характера исследования: основная часть ее посвящена традиционной государственности и праву отдельных государств и владений Центральной Азии, т.е. анализу основных государственных институтов и наиболее значительных отраслей права (в том виде, в каком они выделяются в современной теории и истории государства и права), сведения о которых содержатся в записках путешественников, посетивших соответствующую страну или регион.

Вместе с тем исследование в немалой степени имеет и источниковедческий характер, что обусловило необходимость анализа источников с учетом личностей авторов, целей и задач их путешествий, политической обстановки в самих центральноазиатских государствах в период пребывания там того или иного путешественника и т.д. Поэтому наряду с самими источниками и трудами, непосредственно посвященными политико-правовым аспектам истории Центральной Азии в XVIII — начале XX в., автор обращался к трудам, в которых содержалась необходимая информация по вышеупомянутым вопросам. Соответственно, были использованы исследования по истории географических открытий и изучению Центрально-Азиатского региона путешественников (Д. Бейкера, И.П. и В.И. Магидовичей, В.И. Грекова, О.В. Масловой и др.), труды по источниковедению Централь-

ной Азии, в том числе и непосредственно посвященные изучению наследия путешественников — большей частью ученых (Д.В. Арапова, М.К. Басханова, А.А. Колесникова, Л.Г. Левтеевой, Б.В. Лунина и др.), многочисленные работы о конкретных путешественниках и их трудах. Также нельзя было не учесть и общие труды по истории Центральной Азии или ее отдельных регионов в рассматриваемый период (С. Беккера, М. Ниязматова, Д. Пирса, Т.Г. Тухтаметова, Н.А. Халфина и др.).

Таким образом, основной целью настоящего исследования стала демонстрация высокой ценности записок путешественников как источника по истории государственности и права Центральной Азии в XVIII — начале XX в. Безусловно, реконструировать всю систему центральноазиатской государственности и права на основании записок путешественников невозможно, да такая задача нами и не ставилась. Однако систематизация их информации и соотнесение ее с другими источниками сведений о политико-правовом развитии Центральной Азии в рассматриваемый период, поможет сформировать более целостное и объективное представление, чем до сих пор.

По ходу проведения исследования стало очевидным, что далеко не все анализируемые тексты имеют одинаковую ценность и могут быть восприняты с одинаковой степенью доверия. Именно поэтому возникла необходимость, во-первых, классификации самих авторов и их записок по итогам путешествий; во-вторых, выработки критериев, позволяющих принимать сведения как достоверные в той или иной степени. Именно этим вопросам и посвящена первая глава настоящей книги. Кроме того, значительно помочь оценить записки путешественников в качестве источников сведений о государственности и праве Центральной Азии должен библиографический словарь, помещенный в приложении: он содержит сведения о путешественниках, материалы которых анализировались при подготовке данной книги.

Самые объемные главы — вторая и третья, посвящены соответственно Бухарскому ханству (эмирату) и Хивинскому ханству. Именно в этих государствах побывало наибольшее количество путешественников из разных стран, уделивших в своих записках внимание практически всем основным аспектам развития государственности и права двух ханств. Кроме того, они (в первую очередь — Бухара) стали образцом для формирования государственности и права других мусульманских тюрко-монгольских государств Центральной Азии.

В четвертой главе анализируется ряд аспектов государственного и правового развития Кокандского ханства, которое успешно соперничало с Бухарой и Хивой за влияние в Центральной Азии, однако его посетило гораздо меньше иностранных современников. Кроме того, это ханство уже в 1876 г. прекратило существование, полностью войдя в состав Российской империи, что тоже, конечно же, повлияло на освещение его политико-правовой истории в записках путешественников — ведь основная часть западных путешественников (англичан, американцев, французов и проч.) побывали в Бухаре и Хиве, когда те оказались под протекторатом России, принявшей ряд мер для защиты жизни, здоровья и интересов иностранцев в этих ханствах.

Пятая и шестая главы отражают результаты анализа записок путешественников, посетивших менее крупные государства и области Центральной Азии, которые либо существовали недолгое время, либо в силу своих размеров и географического положения не имели возможности существенно влиять на политическую ситуацию в регионе. Среди них — Ташкент, длительное время являвшийся центром самостоятельного «владения», небольшие княжества Дарваз и Каратегин (Горная Бухара), Вахан, Рушан и Шугнан (Западный Памир) и, наконец, государство ходжей и Йэйтишар (или государство Якуб-бека) в Восточном Туркестане, Илийский край империи Цин и возникший на его территории «кратковременный» Кульджинский султанат. Необходимо подчеркнуть, что если отдельные аспекты государственности и права трех вышеупомянутых ханств (Бухары, Хивы, Коканда) уже изучались специалистами, то эти «малые» государства и области впервые исследуются в историко-правовом отношении именно в данной книге. Записки путешественников стали здесь едва ли не основным источником сведений, поскольку собственных данных практически не сохранилось.

Наконец, седьмая глава посвящена анализу политического и правового развития Бухарского эмирата и Хивинского ханства под протекторатом Российской империи (последняя треть XIX — начало XX в.). На рубеже 1860–1870-х годов все три ханства — Бухара, Хива и Коканд — попали в зависимость от России, но именно Бухарское в силу ряда политических и географических обстоятельств испытало наиболее значительное влияние Российской империи в политической и правовой сферах. Соответственно, в данной главе представлены результаты анализа записок российских и западных путешественников

о том, в какой степени Бухара в своем новом статусе сохранила прежние политико-правовые институты и в какой приобрела новые.

К исследованию прилагается список использованных источников и литературы, а также хронологическая таблица путешествий в Центральную Азию и вышеупомянутый биобиблиографический словарь, содержащий сведения практически обо всех путешественниках, работы которых были проанализированы в рамках настоящего исследования.

Некоторые записки иностранных путешественников были переведены на русский язык, и автор книги счел более корректным опираться на переводы, лишь в самых необходимых случаях обращаясь к оригинальным текстам. Автор также придерживается правила буквального цитирования источников, поэтому в ряде случаев имена собственные, географические названия и специальные термины в основном тексте и приводимых цитатах могут отличаться.

Проведение исследования и написание книги не было бы возможным, без содействия коллег, благодаря поддержке которых автор получил возможность ознакомиться с необходимыми источниками, представить, обсудить на специальных мероприятиях и опубликовать промежуточные результаты исследования и потому выражает благодарность М.В. Антонову (Санкт-Петербург), В.В. Белякову (Москва), С.И. Блюмхену (Москва), М.С. Гатину (Казань), П.К. Дашковскому (Барнаул), П.Н. Дудину (Улан-Удэ), Ж.У. Кадыралиной (Астана, Казахстан), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), И.М. Миргалееву (Казань), А.С. Моррисону (Оксфорд, Великобритания), Н. Пьянчолла (Астана, Казахстан), К.З. Ускенбаю (Алматы, Казахстан), Н.В. Штыкову (Санкт-Петербург) и особенно — жене Ирине и сыновьям Михаилу и Даниилу за их понимание и терпение.

Глава I

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И ИХ ЗАПИСКИ

В XVIII — начале XX в. в Центральной Азии побывало весьма значительное число путешественников — людей разных национальностей и профессий, с различными целями и задачами. Естественно, далеко не все из них опубликовали какие-то материалы по результатам своих поездок, да и в опубликованных материалах далеко не всегда содержатся сведения о государственности и праве стран и народов Центрально-Азиатского региона, интересующие нас в рамках настоящего исследования. Более того, если даже такая информация в записках и имеется, она совершенно неоднородна: одни авторы ограничились кратким описанием своих наблюдений, другие — описывали политико-правовые реалии достаточно подробно.

Как бы то ни было, для создания представления о государственности и праве Центральной Азии, в ходе работы нами было исследовано и использовано более 200 текстов, принадлежавших более чем 100 авторам. Естественно, для определения ценности анализируемых текстов возникла необходимость дать характеристику самих путешественников и их текстов, что мы и делаем в первой главе данного исследования.

§ 1. Путешественники: кто они?

Сразу же стоит оговорить, что термин «путешественники», используемый и в названии книги, и многократно в самом исследовании, является достаточно условным и собирательным: состав иностранных современников, побывавших в Центральной Азии в XVIII — начале XX в. был весьма велик и неоднороден. А между тем полнота, качество и объективность анализируемых записок во многом зависела от того, кем являлись эти путешественники по национальности, социальному положению, целям и задачам своих поездок и т.д. Соответственно, ниже мы попытаемся выделить основные

группы путешественников и кратко охарактеризовать особенности каждой из них, повлиявшие на характер их сведений о государственности и праве региона.

Прежде всего попытаемся разобраться с национальной принадлежностью путешественников. Как уже отмечалось, в Центральной Азии в рассматриваемый период побывали сотни представителей разных иностранных государств. Наибольшее число, конечно же, составляли подданные Российской и Британской империй. Среди путешественников было немало французов, представителей немецких государств (Пруссии, Австро-Венгрии), несколько итальянцев, шведов и датчан, а также граждан США. У большинства из них национальная принадлежность «автоматически» соотносилась с подданством.

Однако это было не всегда. Обратившись уже к самому раннему опыту путешествий в Центральную Азию, мы обнаруживаем, в частности, что Э. Дженкинсон, побывавший в середине XVI в. в Бухарском и Хивинском ханствах (обычно характеризуется как английский торговец и путешественник), в своих записках упоминает, что отправился в эту поездку как дипломатический представитель московского царя Ивана IV.

В рассматриваемый период точно так же на русской службе находились уроженец г. Рагузы (совр. Дубровник) Ф. Беневени, по поручению Петра I посетивший Бухару и Хиву в 1722–1725 гг.; немцы К.И. Габлиц, побывавший у хивинских туркмен в 1781–1782 гг., и Э.А. Эверсман, нанесший визит в Бухару в 1820 г.; И.Ф. Бларамберг, посетивший хивинских туркмен в 1836 г.; швейцарец Г. Мозер, участвовавший в миссии в Бухару и Хиву в 1882–1883 гг.; швед В.Н. Гартевельд, побывавший в Бухаре в 1913 г., и др. И это — не говоря о представителях разных национальностей, уже родившихся в Российской империи, таких как немцы К.И. Миллер, Е.И. Бланкеннагель, Е.К. Мейендорф, А.А. Леман, Ф.И. Базинер⁶, грек С.А. Гунаропуло, поляки И.В. Виткевич и Б.Л. Громбчевский, татары Я. Гуляев, М. Бекчурин, Ш. Арсланов, М. Аитов, башкиры А. Субханкулов и Ш.М. Ибрагимов, казах Ч.Ч. Валиханов и т.д.

---

⁶ Происхождение того или иного путешественника дает основания некоторым современным исследователям считать их не российскими, а западными исследователями (см., например: [ИКЗИ, т. 5, с. 7]).

Аналогичным образом мы можем видеть, что британскими путешественниками были не только урожденные британцы (среди которых и англичане, и шотландцы, и ирландцы), но и представители других народов империи — в частности, индиец-мусульманин Мир Иззет-Улла, посетивший Среднюю Азию в начале XIX в., или индус Мохан Лал, сопровождавший А. Бернса в его экспедиции в Бухару и также составивший записки по итогам этого путешествия.

Еще более запутанной представляется классификация по критерию профессиональной принадлежности. Как и в случае с национальностью, у нас имеется некий «объективный» показатель — занимаемая должность, ведомственная принадлежность и т.д. Наиболее многочисленными среди путешественников, по всей видимости, являлись участники дипломатических миссий — нередко весьма представительных и многочисленных; и иногда по результатам одной поездки появлялось сразу несколько работ, взаимно дополнявших друг друга. Так, например, по итогам миссии в Бухару под руководством А.Ф. Негри в 1820 г. были опубликованы труды ее участников: Е.К. Мейендофра, священника Будрина, П. Яковлева и Э.А. Эверсмана. Участники миссии в Хиву 1842–1843 гг., подполковник Г.И. Данилевский и ученый Ф.И. Базинер, оба опубликовали свои записки по итогам поездки. После миссии полковника Н.П. Игнатъева в Бухару и Хиву в 1858 г. отчеты и воспоминания опубликовал он сам, а также участники миссии — М.Н. Галкин, Е.Б. Килевейн, Н.Г. Залесов, П. Назаров, А.И. Бутаков. Побывавшие в Бухаре в 1870 г. С.И. Носович и Л.Ф. Костенко тоже и тот и другой оставили записки о своей миссии. Вышеупомянутые А. Бернс и Мохан Лал также оба опубликовали материалы о поездке в Бухару, а английская миссия в Кашгарию в 1873 г. нашла отражение в трудах Т.Д. Форсайта, Г. Троттера и Г.У. Беллью.

Работы дипломатов для нас представляют интерес в первую очередь как источник сведений о государственности Центральной Азии: ведь именно они имели возможность непосредственного общения с правителями государств региона, высшими сановниками и региональными властями. Соответственно, в их работах нередко присутствует описание и институтов власти в целом, и особенности их развития в определенный период, и, что не менее важно, характеристика конкретных представителей власти, чья позиция, компетенция, карьера и проч. также дают основания для выводов об эволюции тех

или иных властных структур в Центральной Азии, их особенностях в тот или иной период.

Некоторые дипломаты оставили сведения о регулировании частных правоотношений, обычаях повседневной жизни. Правда, в какой-то мере получение этих сведений стало следствием того, что дипломаты попадали фактически в заключение и были вынуждены иногда по несколько месяцев проводить на одном и том же месте под охраной, по сути, «убивая время», наблюдая за жизнью местного населения, в том числе и правовой. В качестве примера можно привести записки Н.Н. Муравьева, побывавшего в Туркмении и Хиве в 1819–1820 гг., А.И. Глуховского и А.А. Татаринова, участников миссии в Бухару в 1865 г. и др.

Другой категорией путешественников стали ученые — специалисты по географии, биологии, геологии, гидрографии, астрономии и т.д.; немалое их число было и среди участников дипломатических миссий, которые, таким образом, приобретали комплексный характер. Естественно, значительная часть их работ посвящена чисто научным результатам поездок и не содержит интересующих нас в рамках данного исследования сведений о государственности и праве. Однако многие ученые, обладая широким кругозором и любознательностью, намного выходили за рамки своих практических задач во время поездок и оставили ценные наблюдения о системе управления, правовых отношениях, включая и отсутствующие в официальных восточных документах сведения о применении обычного права различных народов и местностей Центральной Азии. Нередко ученые фиксировали и события, в которых сами участвовали или наблюдали непосредственно. К числу таких важных публикаций можно отнести, в частности, записки вышеупомянутых Э.А. Эверсмана, А. Лемана, а также горного инженера К.Ф. Бутенева, востоковеда Н.В. Ханькова, геолога А.П. Федченко, востоковедов Н.Ф. Петровского и А.Л. Куна, ботаника В.И. Липского, географа О. Олуфсена, альпиниста У.Р. Рикмерса и многих других⁷.

Значительное число путешественников составляют представители военных ведомств, т.е. «официальные» разведчики, которые

---

⁷ Значительное число ученых совершали свои путешествия с научной целью, но формально — выполняя некие служебные поручения, поскольку нередко числились в качестве чиновников центральных органов власти или региональной (оренбургской, сибирской, туркестанской) администрации.

могли либо участвовать в дипломатических миссиях (как Н.Н. Муравьев, Е.К. Мейендорф, Н.П. Игнатьев, С.И. Носович и Л.Ф. Костенко и др.), либо же проводили именно военные рекогносцировки тех или иных регионов Центральной Азии. Как и в случае с учеными, многие военные в своих отчетах отражали специфические сведения географического, климатического и статистического характера, имея целью оценить доступность соответствующих местностей для прохода войск, их обеспечения необходимыми припасами, в ряде случаев — стратегические возможности (возведение укреплений, иные способы воспрепятствования проникновению противника)⁸.

Исследователи вполне обоснованно отмечают, что порой было очень сложно классифицировать экспедиции в Центральную Азию как чисто «гражданские» или «военные»: и в тех и в других, как правило, присутствовал военный эскорт и военные советники, а научные цели изучения региона (в том числе его климатических условий, природы, полезных ископаемых и проч.) имели важное значение не только для научного сообщества, но и для военных властей Туркестанского края. Эти данные использовались для укрепления военных позиций России на Памире с целью противостояния экспансионистским намерениям Британской империи и Афганского эмирата [Махмудов, 2013, с. 50].

Впрочем, и среди военных специалистов было немало таких, кто успешно сочетал свои профессиональные обязанности с изучением самых различных регионов Центральной Азии, включая систему управления и правовое регулирование. При этом ряд военных имели специальную востоковедную подготовку: они изучали восточные языки, знакомились с ранее опубликованными трудами, посвященными Центральной Азии и т.д. Особенно активное развитие это явление получило, начиная с 1870-х годов, в результате чего современные исследователи даже изучают такой феномен, как «военное востоковедение» [Басханов, 2005; Колесников, 1997]. Наиболее яркие представители этого направления, оставившие важные сведения интересующего нас характера — Г.А. Арендаренко, А.С. Галкин, А.Н. Куропаткин,

---

⁸ Неслучайно большинство подобных отчетов опубликованы в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии», издававшемся в 1883–1913 гг. типографией Военного министерства под грифом «Секретно» и ставшем доступным для широкого круга исследователей лишь в последнее время.

Д.Н. Логофет, Н.С. Лыкошин, А.Е. Снесарев, А.Г. Серебренников, А.П. Хорошхин и др. По иронии судьбы некоторые из них проявили себя более эффективно именно как ученые, а не как военные или администраторы. Например, Г.А. Арендаренко, уже в конце XIX в. известный как исследователь, в начале XX в. занимал пост военного губернатора Ферганской области и был снят за должностные злоупотребления. А.С. Галкин, также пользовавшийся авторитетом как ученый-востоковед, под конец жизни занимал должность военного губернатора Сырдарьинской области и был уволен за алкоголизм. Наиболее известен, пожалуй, пример А.Н. Куропаткина — выдающегося ученого, но неэффективного военного министра и командующего на фронтах Первой мировой войны⁹.

Еще одна довольно многочисленная категория путешественников — это торговцы и предприниматели, особенно российские, что неудивительно: изначально интерес к Центральной Азии в России носил исключительно экономический характер, а активное продвижение в регион и его присоединение началось лишь в результате противостояния с Англией в «Большой игре». Соответственно, в XVIII — начале XX в. в Центральной Азии побывали большое количество купцов и торговых представителей сначала из России, а со второй половины XIX в. — из Европы и США. Интересные и ценные сведения о различных центральноазиатских государствах (в том числе об их политико-правовых реалиях) содержат записки Ш. Арсланова (Ташкент, 1740-е годы), Д. Рукавкина (Хива, 1753–1754 гг.), С.Я. Ключарева (Коканд, 1851 г.), Я.П. Жаркова (Хива, 1854 г.), С.И. Мазова (Бухара, 1880-е годы) и др.

Их записки интересны в первую очередь анализом регулирования торговых отношений, государственной экономической политики центральноазиатских государств, договорных, имущественных, налоговых отношений и проч. Однако и некоторые представители предпринимательских кругов, подобно путешественникам из числа ученых и военных, порой демонстрировали широкий кругозор и активно

---

⁹ Впрочем, исследователи высоко оценивают его деятельность на посту начальника Закаспийской области в 1890–1898 гг. и последнего генерал-губернатора Туркестанского края в 1916–1917 гг. Это, на наш взгляд, подтверждает, что он был выдающимся знатоком среднеазиатских реалий и успешно применял результаты своих научных изысканий при управлении регионами, которые прежде изучал как ученый.

интересовались самыми различными аспектами жизни центрально-азиатского общества. Общаясь с представителями разных кругов — от органов власти до мелких торговцев и ремесленников, — они имели возможность сформировать достаточно целостное представление о многих сторонах жизни жителей Центральной Азии.

Некоторые караваны в силу разных причин так и не доходили до места назначения: так, караван Я.П. Гавердовского в 1802—1803 гг. не сумел добраться до Бухары из-за нападений казахов. Аналогичным образом Е. Кайдалов в 1824—1825 гг. не доехал ни до Хивы, ни до Ташкента. Тем не менее оба путешественника в своих записках привели небезынтересные сведения о регулировании торговых отношений в Центральной Азии, таможенной политики местных ханств и т.д.

В ряде случаев торговые караваны становились «прикрытием», например, для дипломатических миссий, если по каким-то причинам прямой дипломатический контакт с тем или иным центрально-азиатским государством представлялся нежелательным. Так, в составе торгового каравана вышеупомянутого Д. Рукавкина, находились оренбургские чиновники П. Чучалов и Я. Гуляев, которые и вели переговоры с хивинским ханом и его сановниками. Точно так же Н.И. Потанин в 1830 г. посетил Кокандское ханство во главе торгового каравана, хотя целью его поездки было возобновление дипломатических контактов с кокандскими властями.

Еще одна группа путешественников побывала в Центральной Азии и имела возможность ознакомиться с местными реалиями не по своей воле — это пленники, захваченные кочевниками и либо оставшиеся в рабстве у них, либо проданные в среднеазиатские ханства. Некоторые из них сами публиковали воспоминания о своем пребывании в плену, уделяя внимание и различным аспектам жизни страны или народа, где они находились в неволе. Так, Ф. Ефремов описал свое пребывание в Бухаре в 1770-е — начале 1780-х годов, Н.А. Северцов — в Коканде в 1858 г., А.И. Глуховский и А.С. Татаринев — в Бухаре в 1865 г. и т.д. Рассказы же многих пленников были изложены в публикациях различных авторов, включая таких известных, как ученый и публицист В.И. Даль, географ Г.Н. Потанин, военный А.И. Макшеев. Помимо сведений, содержащихся у других путешественников, рассказы пленников весьма ярко характеризуют статус низших слоев общества, самих рабов, возможности их освобождения или изменения своего положения в государстве, куда они попали в неволю.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru